

ОТЗЫВ

официального оппонента

о диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук Филиновой Юлии Владимировны

**на тему: «Коммуникативно-прагматические функции шведских
модальных частиц *ju, viil, nog* и *visst* в драматическом диалоге**

**(на материале пьес Л. Нурена)» по специальности 5.9.6. — Языки
народов зарубежных стран (германские языки)**

Рецензируемая диссертация Ю.В. Филиновой посвящена актуальной теме общего и германского языкознания — функциональному описанию класса модальных частиц на примере избранной группы текстов современного шведского языка — пьес шведского поэта и драматурга Ларса Нурена (1944 — 2021). На данном материале функционирование шведских частиц ранее не рассматривалось, но новизна диссертации определяется не только этим. Опираясь на подходы, ранее апробированные в работах скандинавских и российских лингвистов, Ю.В. Филинова разработана оригинальную схему описания шведских частиц *ju, viil, nog* и *visst*, учитывающую не только их таксономическую семантику (разновидность модального значения), но и собственно прагматические характеристики, а именно — особенности употребления данных частиц в предложениях с субъектом 1, 2 и 3 л. и нереферентными местоимениями *det* и *man*, а также типичные стратегии говорящих, проявляющиеся в контекстах, благоприятствующих употреблению этих частиц. Как известно, термин «частица» (англ. *particle*) не соответствует какому-либо классу слов, выделяемому по принципам общей грамматики, ср. Zwicky A. *Clitics and particles* // *Language*. 1985. Vol. 61, № 2. P. 283-305. В описании конкретных языков мира — немецкого, датского, русского и т.д.— сложился примерный консенсус о том, какие служебные слова, не специализированные в функции предлогов, послелогов, союзов, связок, уместно описывать с помощью термина «частица». Тем не менее,

диагностические критерии (просодия, линейная комбинаторика), по которым частицы противопоставляются знаменательным словам и другим разрядам служебных слов, лингвоспецифичны, и их обычно нельзя распространить даже на группу близкородственных и относительно похожих языков. Повышение доказательности в исследованиях частиц связано с межъязыковыми сопоставлениями, поэтому Ю.В.Филинова, что совершенно логично, предлагает в своей диссертации сопоставление шведских и русских частиц — как на основе параллельных корпусов, так и на основе существующих описаний отдельных частиц. В когнитивных исследованиях частицы любого языка, в т.ч., такие элементы, как рус. же, ведь, традиционно относят к т.н. безэквивалентной мексике. В перспективе корпусной лингвистики это означает, что значение частицы средствами другого языка передать можно, но на корпусе текста единого эквивалента не будет.

Дополнительная трудность, которую вполне учитывает в рецензируемой работе диссертант, состоит в необходимости уточнения понятия «модальная частица», т.е. частица, являющаяся показателем некоторого вида модальности. В отечественной русистике, а отчасти — и в отечественной германистике — благодаря распространению концепции В.В. Виноградова сложилось расширительное понимание терминов «модальность», «субъективная модальность», которое не вполне соответствует западной традиции, ориентированной на модели модальной логики. Такие значения, как эвиденциальность, адмиративность, пересказывательность, а также значение верификации, в работах типологов и представителей формальной семантики обычно не считаются модальными. В этой связи Ю.В. Филинова оправданно посвящает понятию модальной частицы отдельную главу диссертации (глава 2), которая непосредственно предшествует систематическому анализу четырех шведских частиц в главе 3.

Диссертация состоит из Введения, трех глав, Заключения, Библиографического списка и Приложение. Общий объем работы — 201 страница. Во Введении кратко характеризуется состояние исследований,

обосновывается актуальность и новизна квалификационной работы, формулируются цели и задачи и выдвигается семь основных положений. Первые три из них касаются отстаиваемых диссертантом принципов анализа — частицы *ju*, *väl*, *nog* и *visst* предлагается трактовать, как показатели эпистемической модальности, эти частицы полифункциональны, драматический диалог является особой формой дискурса, совмещающей черты устной и письменной речи. Последние четыре положения содержат гипотезы о значении и функциях каждой из исследуемых частиц. На стр. 9-11 обосновывается теоретическая и практическая ценность диссертации и даются сведения о ее апробации.

Глава 1 озаглавлена «Драматический диалог как особая разновидность диалогического дискурса», но ее реальное содержание шире: по существу это удачно написанное краткое введение в теорию диалога, с обзором ключевых понятий лингвистической прагматики (речевой акт, пресуппозиция, когерентность). Разбирая понятие логической связности и смешные понятия, Ю.В. Филинова достигает высокого уровня связности. Частично это объясняется тем, что из разных подходов к определению пресуппозиции, диссертант подробнее останавливается на тех, которые апеллируют к состоянию знаний коммуникантов, а не к условиям истинности. Однако изложение корректно и свидетельствует о высокой квалификации диссертанта и его владении современной литературой.

Глава 2 «Модальные частицы как объект исследования» начинается с обзора литературы, посвященной дискурсивным частицам в скандинавских и некоторых других языках мира, после чего диссертант переходит к понятию модальности, трактуемому в духе отечественной лингвистической традиции. При чтении главы возникает ощущение, что диссертант склонен считать любую частицу показателем того или иного речевого акта. Поскольку выражение иллокутивной силы параллельно трактуется в диссертации как вид модальности, рецензент интересуется, являются ли понятия «дискурсивная частица» и «модальная частица» в концепции Ю.В. Филиновой синонимами и

есть ли в шведском языке, русском языке и других языках мира дискурсивные частицы, не являющиеся модальными.

Глава 3 «Функции модальных частиц *ju*, *väl*, *nog* и *visst* в драматическом диалоге» занимает почти сто страниц (стр. 60 — 155). В общей сложности в рассмотренном массиве текстов встретилось 1632 употреблений данных частиц, при этом *ju* и *väl* на порядок более частотны, чем *nog* и *visst* (стр. 62). Формат описания частиц унифицирован. Вначале диссертант дает общую характеристику элемента, выдвигая гипотезу о типе значения, выражаемого частицей, затем указывает переводные эквиваленты, после чего рассматривает отдельно употребления частицы в предложениях с местоимениями 1, 2 и 3 л. В отдельные параграфы вынесен анализ предложений с неопределенно-личным местоимением *man* и с неличным местоимением 3 л. *det* (в основном — в роли формального элемента с ситуативной референцией, ср. разбираемый на стр. 90 пример швед. *Men det verkar ju fånigt att åka bil när vi bor så nära.* «Хотя {ведь} кажется (это) глупо ехать на машине»). В выводах к разделам Ю.В.Филинова указывает встретившиеся в материале типы речевых актов и их распределение по формам разных лиц. Частица *ju* трактуется как средство выражения аффирмативной модальности, которая важна для экспликации отношений уступки, причины и противопоставления (стр. 92). Частица *väl*, в основном, трактуется как маркер проблематической модальности. Отмечается ее способность участвовать в вопросах с прямым порядком слов (стр. 95) и косвенных речевых актах, при этом диссертант не считает ее средством связности текста (стр. 123). Имеется и другое употребление *väl*, где эта частица не выражает степень неуверенности говорящего, но содержит апелляцию к общим знаниям коммуникантов: в этом употреблении диссертант признает ее маркером аффирмативной модальности (стр. 124). Частица *nog* в прототипическом употреблении сигнализирует неполную уверенность говорящего и одновременно указывает на то, что у говорящего есть основания принимать гипотезу *p*. Как и в случае с *väl*, диссертант анализирует проблематические и аффирмативные употребления частицы в терминах

«ослабления» или «усиления» иллокутивной силы (стр. 144). Возможно, это не лучшая метафора, так как добавление эксплицитного эпистемического маркера, даже если это выражения с такой внутренней формой, как у фр. *sans doute*, рус. само собой, несомненно, всегда снижает категоричность. Модальное слово *visst* «конечно» не всегда причисляется в шведском языке к классу частиц, отчасти — потому, что часто встречается в начальной позиции, хотя и не закреплено за ней. Суждения носителей языка об ударности и безударности этой частицы в начале и внутри предложения расходятся, однако диссертант все же предлагает предварительную статистику ударных и безударных употреблений на стр. 154 и признает безударный вариант частицы «прототипическим». *Visst* трактуется, как сенсорный эвиденциал (что соответствует этимологии частицы) и средство выражения пересказывательности. Все примеры в диссертации переведены самой Ю.В. Филиновой. Анализ контекстов убедителен и свидетельствует о высокой квалификации диссертанта как в области синтаксической стилистики, так и в плане владения шведским языком. В отдельных случаях шведские примеры, которые переводятся при помощи частицы *же*, можно также перевести при помощи частицы *ведь*, и наоборот. Однако выбор диссертанта понятен, поскольку автор исходит из описания русских частиц *же* и *ведь* (Бонно К., Кодзасов С.В. Семантическое варьирование дискурсивных слов и его влияние на линеаризацию и интонирование (на примере частиц *же* и *ведь*) / Дискурсивные слова русского языка. опыт контекстно-семантического описания. Под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. — М.: Метатекст, 1998. — С. 382—443), где распределение рус. *же* и рус. *ведь* довольно прямолинейно увязывается с передачей новой vs известной информации.

В Заключении (стр. 163-164) подводятся основные итоги исследования. Библиографический список содержит 147 наименований, 77 из которых — это литература на иностранных языках. Приложение (179–204) содержит сводные таблицы, указывающие основные типы речевых актов для каждой из четырех частиц. Это полезный справочный ресурс. При меньшем объеме таблиц их

можно было бы поместить и в основной текст диссертации, но у рецензента нет возражений против решения, принятого Ю.В. Филиновой.

Высокие достоинства рецензируемой диссертации очевидны. Перед нами оригинальное исследование, выполненное квалифицированным ученым, превосходно подготовленным в области шведской и общей лингвистики. Анализ материала произведен на высоком уровне, сделанные выводы достоверны, исследование вносит существенный вклад в изучение семантики и прагматики частиц. Жанр отзыва о квалификационной работе, а также сложность проблем, затронутых в диссертации Ю.В.Филиновой, побуждает рецензента сделать несколько замечаний.

1) Значимость статистики употреблений шведских частиц в предложениях с формой 1, 2 и 3 л. трудно оценить без контрольных данных. Представляется, что работа бы выиграла, если бы распределение частиц по лицам в текстах Л. Нурена было бы сопоставлено со статистикой в драматических диалогах другого автора, либо в массиве текстов другого жанра, например, выгрузке социальных сетей.

2) В первой главе диссертант вслед за своими предшественниками различает когезию, т.е. локальную связность текста, и когерентность, т.е. логическую связность текста, и признает частицы показателями как когезии, так и когерентности (с. 33). Выводы о том, обладает ли та или иная частица «связующей функций», как декларировано, касаются только локальных отношений между репликами диалогического текста (стр. 70, 74, 76, 78, 79, 88-92, 103, 108, 131, 135, 145, 148, 153, 155). Однако местами в комментариях к примерам появляются противоречивые формулировки вроде «На логическом уровне в обоих случаях *väl* не обнаруживает связующей функции» (стр. 101), «однако говорить о полноценной связующей функции *väl* нельзя, в этом также проявляется отличие *val* от *ju*.» (стр. 105), ср. «...по нашему мнению, *väl* здесь реализует связующую функцию, что снова свидетельствует о пересечении функций *ju* и *väl*» (стр. 108), «на логическом уровне частица не обнаруживает отношений с предыдущим или последующим высказыванием и,

соответственно, не реализует связующей функции» (стр. 113). Для преодоления разнобоя диссертанту было бы полезно учесть современное понятие «коннектора» как показателя логической связности текста, см. T. Tsunoda. *Levels of clause linkage*. De Gruyter, 2018; Инькова О. Ю., Манзотти Э. *Связность текста: мереологические логико-семантические отношения*. М., 2019.

3) Не очень удачным представляется употребление термина «умозаключение» по отношению ко всем ситуациям, где у говорящего сформировалась некоторая интуиция, ср. обсуждаемый на стр. 129 контекст, где герой говорит «Я, наверное, единственный, у кого было счастливое детство». Умозаключение — это шаг логического вывода. В данном случае говорящий делится с собеседником своим убеждением в том, что у него было счастливое детство, не приводя никаких доказательств того, что у других людей счастливое детства не было. Едва ли за рус. *наверное* и шв. *väl* в подобных контекстах непременно стоит логический вывод или практическое рассуждение типа рус. *Шел дождь, хотя на туфлях нет грязи*.

Указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация Ю.В. Филиновой отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.9.6. — «Языки народов зарубежных стран (германские языки)» (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1—2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена, согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Автореферат и публикации отражают содержание диссертации.

Таким образом, соискатель Филинова Ю.В. заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.6. —

Языки народов зарубежных стран (германские языки).

Официальный оппонент:

Доктор филологических наук, главный научный сотрудник
департамента научной деятельности ФГБОУ ВО «Гос. ИРЯ им. А.С.Пушкина»

Циммерлинг Антон Владимирович

28.11.2023

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация: 10.02.20 — «Сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание»

Адрес места работы:

117485, Россия, г. Москва, ул. Волгина, д. 6,

Федеральное государственное бюджетное учреждение образования
«Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»,
департамент научной деятельности 330-88-01; e-mail: inbox@pushkin.institute

